

УДК 330.341.1

JEL: B19, B29, O33

DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.1.8-22

Оригинальная статья

Влияние и последствия пандемии COVID-19: социально-экономическое измерение

Геннадий Анатольевич Щербаков¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
125993, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49

E-mail: g.shcherbakov@mail.ru

Аннотация

Цель. Активное развитие пандемии коронавируса и мероприятия по противодействию ей со стороны национальных властей и международных организаций уже сейчас оказали влияние на восприятие окружающей действительности жителями планеты. Понятия «карантин», «самоизоляция» и «социальная дистанция» вошли в повседневный лексикон людей, проживающих в различных, зачастую весьма непохожих регионах, со своей историей, культурой, традициями, конфессиональной принадлежностью. Поражает скорость, с которой меняются условия проживания, привычки и модели поведения по всему миру. Возникает естественное желание разобраться: все происходящее – это временное явление, преодоление которого вернет нашу жизнь в прежнее русло, или же трансформации, происходящие в сознании общества, несут долговременный характер, и человечество находится в процессе формирования качественно новых параметров существования, в настоящее время еще не вполне воспринимаемых, но в скором времени способных стать «новой нормальностью». Основной задачей исследования является проведение качественного анализа изменений в социально-экономической сфере, связанных с распространением в мире пандемии COVID-19, с целью выявления социальных, экономических и институциональных процессов, способных оказать существенное влияние на жизнь общества в долгосрочной перспективе.

Метод или методология проведения работы. При подготовке статьи использовался комплекс методов практического анализа и теоретического исследования, среди которых: логический, системный и абстрактный методы.

Результаты работы. В рамках проведенного исследования решена основная задача настоящей работы – проведение качественного анализа трансформаций в социально-экономической сфере, связанных с распространением в мире пандемии COVID-19. На основе фактологической и статистической информации выявлены особенности нынешней ситуации, а также определены процессы и тенденции развития, способные привести к фундаментальным, долговременным изменениям в социально-экономической жизни общества.

Выводы. Влияние пандемии коронавируса преодолело границы исключительно медико-биологического восприятия указанного явления и все более приобретает экономическое и социально-гуманитарное измерение. Глубина и острота трансформаций, происходящих в социально-экономической сфере, дают основания заявлять о долгосрочном характере последствий пандемии коронавируса в общественном развитии.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, экономический кризис, рецессия, пандемия COVID-19, долгосрочный экономический цикл

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Щербаков Г. А. Влияние и последствия пандемии COVID-19: социально-экономическое измерение // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12. № 1. С. 8–22

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.8-22>

© Щербаков Г. А., 2021

Original article

Impact and Consequences of the COVID-19 Pandemic: Socio-Economic Dimension

Gennady A. Shcherbakov¹

¹ Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
49, Leningradsky avenue, Moscow, Russia Federation, 125993

E-mail: g.shcherbakov@mail.ru

Abstract

Purpose: the active development of the coronavirus pandemic and measures to counter it by national authorities and international organizations have already influenced the perception of reality by the inhabitants of the planet. There is a natural desire to understand: everything that is happening is a temporary phenomenon, the overcoming of which will return our life to its former course, or the transformations taking place in society are of a long-term nature, and humanity is in the process of forming qualitatively new parameters of existence, which can become a "new normality". The main objective of the study is to conduct a qualitative analysis of changes in the socio-economic sphere associated with the spread of the COVID-19 pandemic in the world. The goal is to identify social, economic and institutional processes that can influence the life of society.

Methods: a set of methods of practical analysis and theoretical research was used, including: logical, system and abstract methods.

Results: the study solves the main task of this work - to conduct a qualitative analysis of the transformations in the socio-economic sphere associated with the spread of the COVID-19 pandemic in the world. On the basis of factual and statistical information, the features of the current situation are identified, as well as the processes and trends of development that can lead to fundamental, long-term changes in the socio-economic life of society.

Conclusions and Relevance: a qualitative analysis of the impact of COVID-19 on the social and economic spheres of society shows that the impact of the coronavirus pandemic has crossed the boundaries of the exclusive medical and biological perception of this phenomenon and is increasingly acquiring an economic and socio-humanitarian dimension.

Keywords: socio-economic development, economic crisis, recession, COVID-19 pandemic, long-term economic cycle

Conflict of Interest. The Author declares that there is no Conflict of Interest.

For citation: Shcherbakov G. A. Impact and Consequences of the COVID-19 Pandemic: Socio-Economic Dimension. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitiie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2021; 12(1):8–22. (In Russ.)

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.8-22>

© Shcherbakov G. A., 2021

Введение

Чуть более года отделяет человечество от декабря 2019 г., когда в китайском городе Ухань провинции Хубэй была впервые зафиксирована вспышка неизвестной болезни, получившей название COVID-19. Уже 30 января 2020 г. – после ее распространения на территорию более двух десятков стран, включая США, Канаду, Францию, Германию, Англию, Австралию, Таиланд, Японию, Южную Корею и др. – она была признана, по методологии Всемирной организации здравоохранения, «чрезвычайной ситуацией международного масштаба»¹. Исключительность подобной квалификации нового вируса подтверждает тот факт, что за период, прошедший с принятия в 2005 г. Международных медико-санитарных правил (разработанных после вспышки в 2002–2003 гг. атипичной пневмонии), ВОЗ лишь

4 раза применяла подобную оценку в отношении трансграничного характера развития болезней: H1N1 (свиной грипп) – в 2009 г., полиомиелит – в 2014 г., лихорадка Эбола в 2014 и 2018 гг., лихорадка Зика – в 2015–2016 гг.

11 марта 2020 г. ВОЗ квалифицировала распространение COVID-19 как пандемию. За короткий период медицинские термины «2019-nCoV», «SARS-Cov-2», «COVID-19» вошли в повседневную лексику населения 219 стран и территорий мира², охваченных еще недавно неизвестным вирусом.

Обзор литературы и исследований. Проблемы, связанные с распространением COVID-19, вызывают заметный интерес научного сообщества. В многочисленных исследованиях рассматриваются различные аспекты влияния пандемии на жизнь

¹ ВОЗ объявила вспышку коронавируса ЧС международного значения / Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/693442>

² Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

общества. Указанные исследования опираются на солидный, оперативно обновляемый массив данных по распространению пандемии коронавируса в отдельных странах и в мире, формируемый в настоящий момент практически всеми крупными международными, правительственными и научными организациями. Как правило, результаты представлены в формате научных или публицистических статей, в которых рассматриваются те или иные вопросы, связанные с COVID-19 (см., например, [1; 2; 3]). Ряд периодических изданий даже выделил специальный раздел в своих изданиях, посвященный проблемам пандемии коронавируса. НИУ ВШЭ летом 2020 г. на еженедельной основе выпускал отдельный «Аналитический бюллетень об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире», содержащий актуальную информацию по заявленной проблематике³. Следует отметить, что крупных научных работ, в формате авторских или коллективных монографий, очень немного (см., например, [4; 5; 6; 7; 8]), что, вероятно, объясняется новизной проблемы. В большинстве случаев речь идет о немногочисленных обзорах международных организаций или финансовых институтов о развитии экономики в пандемический период⁴. В этой связи следует упомянуть книгу К. Шваба и Т. Маллере «COVID-19: Великая перезагрузка» [9], вызвавшую сразу после ее опубликования на сайте Всемирного экономического форума не только значительный интерес, но и волну критики. Монография представляет собой неожиданный симбиоз либеральных подходов К. Шваба и левых идей его соавтора Т. Маллере, и является на сегодняшний день, наверное, единственной крупной работой, поставившей целью анализ текущих событий, проецированный на будущий период развития общества.

Материалы и методы. Настоящая статья является результатом исследования событий, происшедших в социальной и экономической сферах общественной жизни с января 2020 г. по настоящее время, а также выявления тенденций, способных сформировать устойчивый вектор развития обще-

ства на долгосрочный период. При анализе текущей ситуации осуществлялась интеграция концептуальных подходов к осознанию влияния пандемии COVID-19, активно использовались методы анализа статистических данных и макроэкономического моделирования. Эмпирическая база представлена комплексом тематических материалов, публикуемых в периодических научных изданиях.

Актуальность исследуемой проблематики обусловлена обстоятельством, что в настоящее время мир переживает вторую волну пандемии коронавируса, прошедшую свой пик в январе 2021 г. Летнее (2020 г.) снижение темпов роста числа инфицированных не закрепилось в виде постепенного и окончательного преодоления COVID-19, и сейчас в мире количество зараженных за весь период развития пандемии превысило 131 млн, из которых около 23 млн человек находятся в активной фазе развития болезни. Россия, несмотря на все официальные заявления об успехах отечественной медицины в борьбе с коронавирусом, находится на 5-м месте в мире по числу зараженных (4,6 млн человек), уступая лишь США (31,4 млн), Бразилии (13,1 млн), Индии (12,5 млн) и Франции (4,8 млн). Она опередила по этому показателю даже Англию (4,4 млн)⁵, в декабре 2020 г. объявившую об обнаруженном в стране новом, более опасном штамме коронавируса B.1.525.

Число жертв пандемии COVID-19 в мире уже превысило отметку в 2,8 млн человек, что составляет 3% всех так называемых «закрытых случаев» (сумма выздоровевших и умерших от болезни пациентов). По этому показателю в пятерку «лидеров» входят: США (568,5 тыс. человек), Бразилия (330,2 тыс.), Мексика (203,9 тыс.), Индия (164,7 тыс.) и Великобритания (126,9 тыс.). Россию со 100,1 тыс. погибших граждан (7-е место) от пяти наиболее пострадавших государств отделяет Италия (110,7 тыс.)⁶, ситуация в которой весной 2020 г. в российских СМИ представлялась как катастрофическая и потребовавшая направления корпуса российских военных медиков для помощи стране в борьбе с коронавирусом.

³ Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. № 9 (10.07.2020). 119 с. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/377993642.pdf> (дата обращения: 10.03.2021)

² Global Economic Effects of COVID-19 / Congressional Research Centre. Wash., 2021. 140 p. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46270>; How COVID-19 is changing the world: a statistical perspective / The Committee for the Coordination of Statistical Activities. NY: CCSCA, 2020. 77 p. URL: https://unstats.un.org/unsd/ccsa/documents/covid19-report-ccsa_vol2.pdf; Оценка последствий эпидемии для экономики России через призму межотраслевого баланса / Центральный банк Российской Федерации. М.: ЦБ РФ. 2020. 17 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/112062/analytic_note_202008_dip.pdf; Социальные последствия пандемии COVID-19 и инклюзивность / Счетная палата Российской Федерации. М., 2020. 37 с. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-inclusion.pdf> (дата обращения: 09.01.2021)

⁵ Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

⁶ Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

На фоне развития пандемии коронавируса на самых различных экспертных уровнях звучат эмоциональные заявления: «мир никогда не будет прежним», «наша жизнь поделится на «до» и «после» коронавируса», «после коронавируса мы все будем жить в другом мире» и проч. Для людей, переживших личную трагедию, связанную с COVID-19, мир, действительно, уже не станет прежним. Что же касается общества в целом, то оно достаточно быстро после окончания пандемии вернется к обычному течению дел, и невосполнимые потери от вируса SARS-Cov-2 скроются в сухих статистических показателях, по которым человечество будет сравнивать COVID-19 с предыдущими и последующими эпидемиологическими потрясениями.

Человечество уже не раз проходило подобные бедствия, и в этой связи примечательна историческая аналогия, заимствованная из письма Н.В. Гоголя Жуковскому (1836 г.): «Мое намерение было провести зиму в Италии. Но в Италии бушевала холера страшным образом; карантин покрывал ее как саранча. Я встречал только бежавших оттуда итальянцев, которые от страха в масках проезжали свою землю»⁷. Аналогичная ситуация происходила с пандемией азиатского гриппа в 1957–1958 гг., гонконгского гриппа в 1968–1969 гг., лихорадкой Эболы в 2014–2016 гг. (коэффициент смертности которой составляет около 50%) и др.

Другая особенность восприятия текущего кризиса проявляется в заявлениях типа «никогда прежде...», которые объясняются психологической особенностью воспринимать текущие проблемы более остро, чем проблемы, случившиеся ранее или, тем более, произошедшие с другими людьми. Так, например, К. Шваб и Т. Маллере в своем манифесте «COVID-19: Великая перезагрузка» пишут: «Мировая экономика еще никогда не совершала столь внезапную и жесткую посадку. Никогда прежде кто-либо из живущих сегодня людей не был свидетелем экономического коллапса, природа и темпы которого имели бы такие драматичные и далеко идущие последствия» [9]. В этой связи возникает закономерный вопрос: а как же Великая депрессия, в течение длительного периода удерживавшая мировое хозяйство в состоянии угнетенности? Или разве можно сравнить урон, понесенный от нынешней пандемии, с чумой 1346–1353 гг., унесшей жизни 60% населения Европы? Или как быть с испанским гриппом, поразившим в 1918–1920 гг.

почти треть населения планеты и унесшим жизни, по минимальным оценкам, более 17 млн человек?

Таким образом, человечество нечто подобное уже проходило, и мир останется прежним: беспечным и, скорее всего, опять неподготовленным к новым угрозам.

Одновременно не следует преуменьшать тяжесть и драматизм нынешней ситуации, и уже сейчас полезно сделать некоторые, обращенные в будущее, выводы. Основной из них заключается в том, что последствия пандемии коронавируса вышли за границы исключительно медико-биологического восприятия указанного явления и все более приобретают экономическое и социально-гуманитарное измерение. Указанный тезис базируется на следующих фактах.

Результаты исследования

Экономическое измерение

Первое. Пандемия стала «спусковым крючком» к очередному мировому экономическому кризису, который, по мнению экспертов, способен по глубине и разрушительной мощи превзойти Великую депрессию 1929–1933 гг. [10].

Еще в начале первой волны пандемии директор-распорядитель МВФ К. Георгиева сообщала о более 90 странах, обратившихся в фонд за экстренным финансированием в связи с распространением COVID-19. «По формирующимся рынкам и развивающимся экономикам нанесен мощный удар, – заявляла глава МВФ. – У них зачастую меньше ресурсов для самозащиты в условиях этого двойного кризиса: в сфере здравоохранения и экономики»⁸.

Без сомнения, глобальное хозяйство к этому моменту было перегружено серьезными дисбалансами, о чем все чаще в последнее время стали говорить в научном сообществе. О неизбежности крупного потрясения мировой экономики на рубеже второго и третьего десятилетий нынешнего века заявлял (по крайней мере, с 2015 г.) и автор данной статьи⁹. Данный тезис подтверждается тем фактом, что уже в 4-м квартале 2019 г. (то есть еще до начала пандемии COVID-19) многие страновые экономики пребывали в зоне отрицательного роста (Италия: -0,2%, Япония: -1,0%, Мексика: -0,8%, Аргентина: -0,3%, Чили: -2,3%, ЮАР: -0,6%, Саудовская Аравия: -0,7%) или находились на близком

⁷ URL: <https://news.rambler.ru/other/43837913-gogol-pushkin-shevchenko-i-erenburg-kto-i-kak-pisal-pro-koronavirus>

⁸ Глава МВФ заявила, что мировая экономика вошла в период спада / ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8158585>

⁹ См., напр.: Щербачков Г. А. Системные экономические кризисы в долгосрочной динамике мирового хозяйственного развития. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 156–159.

к нулевому значению роста ВВП (Австрия: 0,2%, Франция: 0,8%, Финляндия: 0,8%, Германия: 0,4%, Швеция: 0,6%, Россия: 0,3%)¹⁰. Мировая экономика была готова к кризису, и его причиной могло стать любое негативное событие, даже неэкономического свойства. Вместе с тем, стремительное скатывание мировой экономики в кризис произошло в 1-м квартале 2020 г. на фоне сообщений о разворачивающейся болезни. В связи с этим можно считать историческим фактом, что «триггером» нынешних экономических пертурбаций стала пандемия COVID-19.

Эпидемии и пандемии, приводившие к выбыванию огромных масс трудоспособного населения из хозяйственного оборота, неоднократно становились в экономической истории вступительным актом к серьезным экономическим катаклизмам, протекавшим, как правило, в форме финансовых потрясений. Однако здесь, действительно, можно утверждать, что никогда ранее (начиная, как минимум, с индустриального периода развития общества) событие подобного рода не становилось причиной столь глобального потрясения. Пандемия COVID-19 выступила катализатором мощных процессов, которые развиваются в русле социально-экономических трансформаций, происходящих каждые 50–60 лет на сломе долгосрочных экономических циклов, и запустила очередной мировой экономический кризис (далее – «коронавирусная рецессия»).

Уже в 1-м квартале 2020 г. практически все национальные экономики демонстрировали отрицательный рост. Последующий период 2020 г. не улучшил ситуацию, и итоги года представляются удручающими. Согласно данным ООН, спад в мировом хозяйстве составил в 2020 г. 4,3%. Коронавирусная рецессия нанесла по мировой экономике более мощный удар, чем мировой экономический кризис 2008–2009 гг., когда глобальный ВВП сократился на 1,7%.

Наибольшие потери пришлось на развитые страны, где ограничительные меры были введены в первую очередь. ВВП развитых государств потерял в 2020 г. 5,6%. Экономика стран G20, на долю которых приходится около 80% мирового производства, сократилась на 4,1%. Из числа стран-участниц G20 только Китай и Турция смогли в 2020 г. сохранить положительный рост ВВП. Информация о динамике ВВП стран Европы в 2019–2020 гг. (к соответствующему периоду предыдущего года) представлена в табл. 1. «Мировая торговля товарами и услугами, по оценкам ООН, снизилась на 7,6% в 2020 г. Экспорт туризма сократился на 70%, в результате чего туристическая отрасль потеряла около 1,1 трлн долларов. В большей степени пострадали развивающиеся страны Карибского бассейна, чья экономика ориентирована на туристический сектор»¹¹.

Таблица 1

Динамика ВВП стран Европы в 2019–2020 гг. (к соответствующему периоду предыдущего года)

Table 1

Dynamics of European countries GDP in 2019–2020 (to the corresponding period of the previous year)

Страна / год	2019	2020	Страна / год	2019	2020	Страна / год	2019	2020
ЕС (27 стран)	1,6	-6,2	Испания	2,0	-11,0	Румыния	4,1	-3,9
Евросона	1,3	-6,6	Италия	0,3	-8,9	Сербия	4,2	-1,0
Австрия	1,4	-6,6	Кипр	3,1	-5,1	Словакия	2,3	-5,2
Бельгия	1,7	-6,4	Латвия	2,0	-3,6	Словения	3,2	-5,5
Болгария	3,7	-4,2	Литва	4,3	-0,8	Турция	0,9	1,8
Англия	1,4	н/д	Люксембург	2,3	-1,3	Финляндия	1,3	-2,8
Венгрия	4,6	-5,0	Мальта	5,5	-7,0	Франция	1,5	-8,1
Германия	0,6	-4,9	Нидерланды	1,7	-3,8	Хорватия	2,9	-8,4
Греция	1,9	-8,2	Норвегия	0,9	-0,8	Чехия	2,3	-5,6
Дания	2,8	-3,3	Польша	4,5	-2,7	Швейцария	1,1	-2,9
Ирландия	5,6	3,4	Португалия	2,5	-7,6	Швеция	1,4	-2,8
Исландия	2,6	-6,6	Россия	2,0	-3,1	Эстония	5,0	-2,9

Составлено автором по материалам: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>; Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DtjYaY3f/tab3.htm> (Россия).

Compiled by the author based: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>; Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DtjYaY3f/tab3.htm> (for Russia).

¹⁰ OECD. Main Aggregates. Gross domestic product (GDP). URL: <https://stats.oecd.org>

¹¹ В ООН подвели экономические итоги 2020 года / ТАСС. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/10634307>

Во 2-м квартале 2020 г., который в большинстве государств отмечен введением жестких ограничительных мер, мировое хозяйство испытало наиболее ощутимый урон (см. табл. 2). ВВП России снизился по сравнению со 2-м кварталом предыдущего года на 5,6%, ВВП США – на 9,1%, а ВВП Евросоюза – на 13,9%, что стало рекордным падением для европейской экономики с 1995 г. Наиболее тяжелый удар пришелся на экономику Испании, потерявшую 22,1%, и Великобритании (-21,7%). По сравнению с ними Швеция, не введив-

шая жесткого карантина, прошла этот сложный этап кризиса относительно легко – ее экономика во 2-м квартале 2020 г. показала снижение лишь на 7,7%. Впрочем, соседняя Финляндия, пошедшая по пути жестких ограничений, понесла еще меньший урон – 6,3%¹². Экономические потери коррелируют в данном случае с разворачиванием пандемии в каждой из приведенных стран. В Великобритании к концу 2-го квартала 2020 г. заразилось 250,3 тыс. человек, из которых погибло 37,6 тыс., в Испании данные показатели составили

Таблица 2

Поквартальная динамика ВВП стран мира в 2020 г. (к соответствующему периоду 2019 г.)

Table 2

Quarterly dynamics of the world's countries GDP in 2020 (to the corresponding period of 2019)

Страна	2020 г. / квартал				Страна	2020 г. / квартал			
	Q1	Q2	Q3	Q4		Q1	Q2	Q3	Q4
G20	-1,6	-8,9	-2,2	-0,5	Колумбия	0,1	-15,6	-8,3	-3,5
G7	-1,3	-11,8	-4,1	-3,3	Р. Корея	1,4	-2,8	-1,1	-1,2
ОЭСР	-0,9	-11,6	-3,8	-3,1	Латвия	-1,2	-8,6	-2,8	-1,8
ОЭСР (Евр.)	-1,9	-14,1	-3,8	-4,1	Литва	2,5	-4,7	0,1	-1,0
Нафта	0,0	-10,3	-3,6	-2,7	Люксембург	1,3	-7,9	-0,0	1,4
Евросоюз	-2,7	-13,8	-4,1	-4,6	Мексика	-2,2	-18,6	-8,5	-4,5
Евროзона	-3,3	-14,6	-4,2	-4,9	Нидерланды	-0,4	-9,2	-2,5	-3,0
Австралия	1,4	-6,3	-3,7	-1,1	Н. Зеландия	0,1	-11,4	0,2	-0,9
Австрия	-3,6	-13,6	-3,8	-5,9	Норвегия	0,4	-4,4	-0,1	-1,1
Англия	-2,2	-21,0	-8,7	-7,8	Польша	1,9	-8,0	-1,8	-2,7
Аргентина	-4,6	-19,6	-10,1	..	Португалия	-2,2	-16,3	-5,7	-6,1
Бельгия	-2,0	-13,9	-4,3	-5,1	Россия	-0,1	-5,6	-3,3	..
Болгария	2,3	-8,6	-5,2	-3,8	Румыния	2,7	-10,0	-5,4	-1,8
Бразилия	-1,4	-10,9	-3,9	-1,2	С. Аравия	-1,2	-7,1	-5,1	-3,0
Венгрия	2,0	-13,4	-4,8	-4,1	Словакия	-3,8	-12,1	-2,3	-2,6
Германия	-2,2	-11,3	-4,0	-3,6	Словения	-3,3	-13,0	-3,0	-5,0
Греция	0,1	-13,8	-10,5	-7,9	США	0,3	-9,0	-2,8	-2,4
Дания	0,2	-7,5	-3,1	-2,6	Турция	4,6	-8,7	5,4	5,0
Израиль	0,7	-8,3	-1,0	-0,5	Финляндия	-0,6	-6,1	-2,7	-1,7
Индия	3,2	-24,1	-7,0	0,1	Франция	-5,6	-18,6	-3,7	-4,9
Индонезия	2,9	-5,4	-3,7	-2,1	Чехия	-1,8	-10,8	-4,9	-4,7
Ирландия	4,1	-2,7	8,9	-0,2	Чили	0,3	-13,7	-10,2	-0,1
Исландия	-4,7	-10,1	-6,0	-5,9	Швейцария	-0,6	-8,1	-1,6	-1,7
Испания	-4,2	-21,6	-9,0	-9,1	Швеция	0,1	-7,7	-2,2	-2,1
Италия	-5,8	-18,2	-5,2	-6,6	Эстония	0,2	-5,5	-3,5	-1,9
Канада	-0,3	-12,7	-5,3	-3,2	ЮАР	-0,2	-17,5	-5,9	-4,2
Китай	-6,8	3,2	4,9	6,5	Япония	-2,1	-10,3	-5,8	-1,3

Составлено автором по материалам: OECD. Main Aggregates. Gross domestic product (GDP). URL: <https://stats.oecd.org>.

Compiled by the author based: OECD. Main Aggregates. Gross domestic product (GDP). URL: <https://stats.oecd.org>.

¹² Апокалипсиса не случилось. Пандемия меняет финансовое поведение россиян // Коммерсантъ Деньги. 2020. № 23. С. 21. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4502917>

246,5 тыс. и 29,1 тыс., в Швеции – 39,3 тыс. и 4,7 тыс., а в Финляндии – 6,9 тыс. и 318 человек¹³.

Что касается промышленного производства, то меры сдерживания и связанное с ними снижение мобильности оказывали в 3-м и 4-м кварталах 2020 г. менее негативное воздействие на деловую активность, чем на ранних этапах пандемии. По этой причине, несмотря на отрицательные значения годового показателя промышленного выпуска, покварталь-

ные данные показывают, что, после всеобщего падения производственного выпуска во 2-м квартале 2020 г., предприятия и потребители адаптировались к изменениям условий труда и санитарных ограничений¹⁴, и показатель промышленного производства в 3-м квартале повсеместно принял положительное значение. Наиболее высокие результаты продемонстрировали Венгрия (29,8%), Италия (28,9%), Бразилия (22,3%) и Турция (30,2%)¹⁵ (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика промышленного производства в 2019–2020 гг. (к соответствующему периоду предыдущего года)

Table 3

Dynamics of industrial production in 2019–2020 (to the corresponding period of the previous year)

Страна / год	2019	2020	Страна / год	2019	2020	Страна / год	2019	2020
Россия*	3,4	-2,9	Ирландия	2,8	4,3	Словакия	0,5	-9,1
Австрия	0,4	..	Испания	0,7	-9,6	Словения	3,1	-5,1
Англия*	-1,1	-8,4	Италия	-1,1	-11,0	США	0,8	-6,9
Бельгия*	4,8	-3,5	Канада	-0,0	-8,1	Турция	-0,6	2,2
Бразилия	-1,1	-4,5	Р. Корея	0,3	-0,4	Финляндия	1,6	-2,9
Венгрия	5,4	-7,1	Люксембург	-3,1	-10,7	Франция	0,4	-10,5
Германия	-4,2	-9,8	Нидерланды	-0,8	-3,8	Чехия	-0,2	-7,2
Дания	2,7	-5,5	Норвегия	-4,4	7,4	Чили	0,9	-2,2
Израиль	3,9	2,3	Польша	4,2	-1,3	Швеция	2,2	-3,9
Индия	0,7	-11,1	Португалия	-2,2	-7,4	Япония	-2,6	-9,7

* индекс 2015 г. = 100.

Составлено автором по материалам: OECD. Key Short-Term. Economic Indicators. Industrial Production. URL: <https://stats.oecd.org>.

Compiled by the author based: OECD. Key Short-Term. Economic Indicators. Industrial Production. URL: <https://stats.oecd.org>.

Второе. Заметной особенностью «коронавирусной рецессии» стали скорость и одновременность скатывания в кризис основных участников мирового экономического сообщества. В.И. Ленин однажды сказал, что «бывают десятилетия, когда ничего не происходит, а бывают недели, когда десятилетия случаются»¹⁶. Пандемия COVID-19 и скатывание мировой экономики в коронавирусную рецессию представляют собой именно те события, которые ускоряют историю.

Что касается одновременности вхождения стран в кризис, то здесь обнаруживается следующее. Традиционная схема развития экономического кризиса имеет направление от ядра к периферии мировой экономической системы, при этом дан-

ный процесс имеет распределенный во времени характер. Еще К. Маркс отмечал, что «распространение кризисов по миру похоже на стрельбу, которую производит залпами один взвод за другим» [11, с. 296]. Как правило, «первый залп» происходит из передовой экономики, состояние которой критически важно для других суверенных участников внешнеэкономических отношений. Сейчас же, с учетом синхронности вхождения стран в рецессию (практически 1-й квартал 2020 г.), а также скорости протекания данного процесса, сложно определить экономические проблемы какой именно страны переросли в глобальную тенденцию. По этой причине в качестве источника кризиса или страны «первого залпа» можно идентифицировать только Китай, который выступил ис-

¹³ Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

¹⁴ OECD Economic Outlook. Interim Report. March 2021 / OECD Publishing. С. 5. URL: <https://stats.oecd.org>

¹⁵ OECD. Key Short-Term Economic Indicators. Industrial Production. URL: <https://stats.oecd.org>

¹⁶ Micklethwait J., Wooldridge A. The Virus Should Wake Up the West / Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-04-13/coronavirus-pandemic-is-wake-up-call-to-reinvent-the-state> (дата обращения: 25.04.2020)

точником пандемии COVID-19, ставшей причиной коронавиральной рецессии.

Третье. Представленный факт, что в качестве источника развивающегося в мире экономического кризиса может рассматриваться Китай, корректно отражает доминирующие тренды в развитии мировой экономики. Устойчивая тенденция на эрозию однополярного мира, набирающая с начала XXI века силу в геополитической сфере, подкрепляется мощным процессом размывания геоэкономического ландшафта, сложившегося в своей основе к концу 1980-х гг. Так, еще в 2008 г. Дж. Сорос под впечатлением мирового кризиса 2008–2009 гг. предрекал утрату экономической мощи США и рост экономического влияния Китая: «Когда у нас накопились долги, они (Китай) сэкономили и накапливали богатство. Усиливается тенденция, что китайцам будет принадлежать большая часть мира, поскольку они переведут свои долларовые резервы и вклады в США в реальные активы. Это изменит соотношение сил. Сдвиг силы в сторону Азии произойдет в результате грехов Америки, совершенных за последние 25 лет»¹⁷.

Растущая экономическая мощь Китая, благоприятные перспективы хозяйственного роста Индии и целого ряда других стремительно развивающихся экономик дают основания утверждать, что мировое хозяйство находится в процессе формирования новой конфигурации центров экономического роста. Выход на авансцену мировой экономической системы новых индустриальных гигантов (Китай, Индия, Южная Корея и др.), где экономические процессы (с учетом удельного веса в мировом производстве, обеспеченности трудовыми ресурсами, динамики развития основных экономических показателей и др.) будут играть возрастающую роль в развитии мирового хозяйства, коренным образом меняет существующие представления о центрах влияния в современной экономической системе. Логично предположить, что на обозримом этапе деструктивные процессы в экономиках данных стран будут становиться исходными причинами будущих глобальных экономических потрясений. Косвенным подтверждением данному тезису могут служить кризисные события 2020–2021 гг.

Четвертое. Россия в наступившем мировом экономическом кризисе будет выступать как один из

очагов его развития – возможно, со своей спецификой, однако это не будет чисто российским экономическим явлением, как кризис 2015–2016 гг. Тем более, современное состояние российской экономики не позволяет ей выступать в качестве основного источника мирового кризиса, как это случилось в экономической истории один раз – в 1900–1903 гг., когда исходный импульс мирового кризиса был задан отечественным хозяйством.

Реальная ситуация вынуждает осторожно относиться к заявлениям о том, что отечественная экономика находится «на марше развития», и в этом движении еще «не достигла своего пика»¹⁸. Если рассматривать огромный экономический, научно-технический, творческий потенциал нашей страны, то можно согласиться, что Россия имеет все предпосылки для экспоненциального роста. Однако в текущем состоянии российской экономики, а также в уровне жизни населения страны (как основной цели и результате развития экономической системы) заявленная «пассионарность» прослеживается весьма нечетко.

По данным Росстата, индекс физического объема ВВП в 2020 г. относительно 2019 г. составил 96,9%, что означает падение валового внутреннего продукта на 3,1%. Наибольшее снижение наблюдалось в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (-11,4%), в транспортировке и хранении (-10,3%), в добыче полезных ископаемых (-10,2%). Обработывающие производства, строительство, сельское хозяйство, рыболовство продемонстрировали нулевой рост. Одновременно финансовая и страховая деятельность выросла в 2020 г. на 7,9%, и это при том, что в предыдущем году она демонстрировала рост в 12%¹⁹.

Федеральный бюджет 2020 г. был «закрит с дефицитом в 3,8% ВВП (4,1 трлн руб.). Относительно размера экономики это почти столько же, сколько было в кризисном 2016 г. (3,4%), и меньше показателя в 6% ВВП в тяжелые для бюджета 2009–2010 гг. Из-за снижения деловой активности и падения спроса на нефть в бюджет в 2020 г. поступило на 1,9 трлн руб. меньше, чем запланировано. Расходы, простимулированные коронакризисом, выросли в сравнении с планом сразу на 3,3 трлн руб. Пандемия заставила Минфин отойти от бюджетного правила, ранее внедренного ради сдерживания трат и накопления резервов»²⁰.

¹⁷ Gardels N. Soros erklärt China zum Gewinner der Finanzkrise / Die Welt. 2008. Oktober, 14. URL: <https://www.welt.de/wirtschaft/article2576066/Soros-erklaert-China-zum-Gewinner-der-Finanzkrise.html> (дата обращения: 03.05.2018)

¹⁸ Россия находится на «марше развития» / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210214/rossiya-1597384980.html?in=t>

¹⁹ Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d02/18.htm

²⁰ Бюджет освоил коронакризис. Минфин подвел итоги ковидного года / Коммерсантъ. 2021. № 10, С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4654850>

Минэкономразвития РФ и находящийся в его ведении Росстат отразили, что Россия «прошла 2020-й год лучше, чем большинство других крупных экономик»²¹, а падение отечественной экономики (-3,1%) было ниже чем, например, у Германии (-4,9%). Можно добавить, что средний темп роста российского хозяйства в прошедшем десятилетии близок к аналогичному показателю Германии (см.

табл. 4). Однако, если сравнивать структуру национальных экономик и объемы валового внутреннего продукта (Россия – 1,69 трлн долл., Германия – 3,86 трлн долл., 2019 г.) вышеуказанные «успехи» страны, за шесть лет переместившейся по объему номинального ВВП с 8-го на 11-е место в мире, представляются сомнительными.

Таблица 4

Динамика индекса ВВП России и ФРГ в 2009–2020 гг.

Table 4

Dynamics of the GDP index of Russia and Germany in 2009–2020

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	-7,8	4,5	4,3	4,0	1,8	0,7	-2,0	0,2	1,8	2,8	2,0	-3,1
ФРГ	-5,7	4,2	3,9	0,4	0,4	2,2	1,5	2,2	2,6	1,3	0,6	-4,9

Составлено автором по материалам: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>; Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DtjYaY3f/tab3.htm> (Россия).

Compiled by the author based: Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>; Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DtjYaY3f/tab3.htm> (for Russia).

Пятое. Влияние коронавирусной рецессии может иметь более длительные последствия для экономической активности, чем принято считать. Хотя быстрый и беспрецедентный коллапс производства, торговли и занятости может быть обращен вспять по мере ослабления пандемии, исторические данные свидетельствуют о том, что долгосрочные экономические последствия могут сохраняться в течение поколения или более. Данный тезис логично укладывается в базовые положения теории Н. Д. Кондратьева о больших циклах [12; 13; 14; 15; 16], если хозяйственную динамику рассматривать не только (как обычно происходит) в среднесрочном, но и в долгосрочном формате.

В новой работе Т. Йорды, С. Сингха и А. Тейлор [17] рассматриваются глобальные макроэкономические последствия 15 крупных пандемических событий в ряде европейских экономик, начиная с пандемии чумы 1346–1353 гг. и заканчивая эпидемией вируса H1N1 2009–2010 гг. Используя недавно опубликованные данные о доходности долгосрочных суверенных долгов, начиная с XIV-го века [18], авторы приходят к выводу о долгосрочных экономических последствиях пандемий для реальной процентной ставки в Европе. Описывая другой тип исторических событий, который также приводит к массовым человеческим жертвам – войны, авторы отмечают, что крупные вооруженные конфликты приводят как к большим человеческим

жертвам, так и к значительным потерям земли, сооружений, инфраструктуры и других традиционных форм капитала. В войнах относительная убыль капитала по отношению к труду склоняет процентную ставку вверх, в результате чего реальные процентные ставки остаются повышенными в течение 30–40 лет. В случае с пандемиями происходит потеря рабочей силы без параллельного разрушения капитала, что приводит к разбалансировке относительной отдачи от труда и капитала, усиленного ростом склонности к сбережениям лиц, выживших после пандемии (они могут просто захотеть восстановить свое богатство или быть более экономными из осторожности). По мере снижения отношения труда к капиталу естественная норма процента снижается (при росте реальной заработной платы) [19].

Институциональные сдвиги

Первое. Распространение вируса SARS-Cov-2 и меры, принимаемые национальными правительствами по его сдерживанию, практически закрыли все дискуссии о перспективах глобализации, еще недавно считавшейся магистральным направлением развития мирового хозяйства.

Фундаментальное достоинство глобализации должно, по мнению ее сторонников, заключаться в том, что она позволяет консолидировать усилия мирового сообщества перед угрозами и вызова-

²¹ Росстат: Экономика России потеряла 3,1% за 2020 год. URL: <https://rg.ru/2021/02/01/rosstat-ekonomika-rossii-poteriala-31-za-2020-god.html>

ми, в том числе эпидемиями и пандемиями. Однако ничего подобного не произошло: в самом начале распространения COVID-19 атлантический альянс дал трещину по линии США – Западная Европа, а Евросоюз как надгосударственное образование «самоизолировался» от проблем своих членов, уступив место противозидемиологическим действиям национальных властей. Закрытие границ и национальный эгоизм стали новым вектором государственной политики там, где еще недавно высокомерно рассуждали о евроинтеграции, евроатлантическом единстве, мультикультурализме и толерантности. Смертельная угроза напрочь вымела далекую от реальной жизни идеологическую шелуху о спасающихся от дискриминации мигрантах с Ближнего Востока, о преследуемых гомофобами представителях ЛГБТ и проч. Также осталась без былого внимания юная активистка Грета Тунберг, чья забота о будущем планеты потускнела на фоне реальной опасности для существующего поколения. Страх перед пандемией коронавируса уничтожил все атрибуты, которые лишь недавно казались неотъемлемой частью реальности западного мира.

Второе. В условиях борьбы с пандемией и коронавирусной рецессией укрепляется авторитет национальных властей. По словам авторов опубликованной в Bloomberg статьи Дж. Миклетуэйта и А. Вулдриджа: «Пандемия COVID-19 снова сделала (национальное – авт.) правительство важным. Не только снова могущественным (посмотрите на эти некогда влиятельные компании, просящие о помощи), но и снова жизненно необходимым: чрезвычайно важно, есть ли в вашей стране хорошее здравоохранение, компетентные управленцы и надежные финансы. Хорошее правительство – это разница между жизнью и смертью»²².

Меры, принимаемые правительствами различных стран, демонстрируют сложную структуру международного сотрудничества в борьбе с пандемией. Глобальная проблема требует глобального ответа (так как «микробы не признают границ» [10, с. 10]), и скоординированное международное реагирование является лучшим способом противостоять болезни. Тем не менее, политики выводят ресурсы из других стран, ограничивают или запрещают экспорт продовольствия и лекарств, накапливают необходимые запасы. Каждая из этих мер несет издержки для других стран и, в конечном счете, отсутствие сотрудничества ухудшает положение всех участников. Каждое правительство сталкивается с трудным выбором: какие ограничения

вводить и когда их ослаблять, куда будут тратиться деньги и как они будут собираться, какие национальные интересы могут быть ограничены в пользу международного сотрудничества и проч. Этот процесс может сопровождаться просчетами и злоупотреблениями, в связи с чем уместно привести рекомендацию директора-распорядителя МВФ К. Георгиевой: «Искаженные приоритеты расходов могут подорвать восстановление и долгосрочные усилия по содействию устойчивому росту или повышению производительности и уровня жизни. Наше послание правительствам ясно: делайте все, что в ваших силах, но убедитесь, что вы храните квитанции. Мы не хотим, чтобы подотчетность и прозрачность отошли на второй план» [10, с. 10].

Одновременно с укреплением значения национальных правительств возрастает критика в их адрес. «Нации сплачиваются и идут к процветанию, основываясь на убеждении в том, что их институты способны предвидеть катаклизм, ограничить сферу его воздействия и восстановить стабильность. Когда пандемия COVID-19 закончится, во многих странах общество будет воспринимать государственные институты как не справившиеся со своими базовыми задачами» (Г. Киссинджер [20]). Особенно актуально сказанное выше для богатых стран, граждане которых имеют все основания спросить: почему власть, располагая необходимыми ресурсами и инструментарием, действовала столь неэффективно? В таких случаях главным обвиняемым может стать социально-экономическая система в целом, показавшая неспособность гарантировать большинству граждан экономическое и социальное благополучие [9].

Третье. Пандемия коронавируса стала началом глобальной трансформации современного мира. Мировое сообщество ожидают большие изменения в скором времени, а также отдаленные последствия, которые пока сложно предугадать. Впрочем, одновременно пандемия открывает и новые возможности, в том числе путь к более гармоничному обществу [9].

Современный период отмечен активным построением новой институциональной структуры развития общества. Уже сейчас в борьбе с пандемией формируются новые институты, часть из которых естественным образом отомрет после достижения цели, другие останутся и составят основу «новой нормальности». Это представляет собой объективный процесс, к которому пандемия вируса SARS-Cov-2 имеет весьма опосредованное отно-

²² Micklethwait J., Wooldridge A. The Virus Should Wake Up the West / Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-04-13/coronavirus-pandemic-is-wake-up-call-to-reinvent-the-state> (дата обращения: 25.04.2020)

шение. Он разворачивается в период приближения общества к «институциональному порогу, обусловленному устареванием институционального каркаса мирового хозяйства, несоответствием организационных принципов и управляющих структур экономической жизни общества требованиям нового этапа долгосрочного экономического развития. Это происходит, когда процесс институциональных трансформаций, интенсифицирующийся в фазе спада, замедляется в период подъема и начинает отставать от социально-экономических изменений, осуществляющихся непрерывно, но особенно активно в период высоких темпов научно-технического развития»²³. «В подобных условиях институциональная среда становится неспособной соответствовать новым реалиям и постепенно превращается из генератора экономического роста в его тормоз» [21, с. 23-24].

Четвертое. Основоположник институционализма Т. Веблен понимал институт, прежде всего, как образ мышления, порождающий определенные системы ценностей, социальные нормы и стандарты поведения [21, с. 4], «а Д. Норт рассматривал их как созданные человеком правила игры (ограничительные рамки), которые регулируют взаимоотношения в обществе» [22, с. 17]. Пандемия COVID-19 ускорила изменение ряда глубоко укоренившихся норм. Указанное изменение будет обусловлено осознанием, что за пределами определенного уровня благосостояния (выражаемого, например, в ВВП на душу населения) благополучие связано не столько с потреблением материальных благ, сколько с доступностью нематериальных факторов (здравоохранение, социальная защита, обучение и проч.). Тогда «такие ценности, как уважительное отношение к окружающей среде, ответственное потребление, эмпатия и щедрость, могут со временем утвердиться в качестве новых социальных норм» [9].

Пятое. В связи с государственными противоэпидемиологическими мероприятиями некоторые наблюдатели говорят об «ограничительных мерах, не имеющих прецедентов в современной истории человечества» или «о тотальном сворачивании базовых прав и свобод», имея в виду, прежде всего, принуждение к карантинному режиму и ограничение перемещения граждан. Без сомнения, вводимые по всему миру карантин, самоизоляция, разрешительная система передвижения граждан – это меры, непосредственно влияющие на каче-

ство деловой среды. Они применимы исключительно в чрезвычайных обстоятельствах, к которым, несомненно, относится и опасность глобального распространения вируса SARS-Cov-2. Однако важно то, что государство впервые поставило эпидемиологическую безопасность общества и граждан выше интересов экономики и бизнеса.

Социальное измерение

Первое. Экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса, ускорит во всем мире процесс дальнейшего расслоения в обществе, чреватого усилением социальной напряженности. В качестве примера можно привести Англию, где 10% богатейших жителей страны обладают совокупным богатством, равным накоплениям 50% наименее состоятельных подданных английской короны. «Эта ситуация отражается во многих странах ОЭСР, где неравенство в доходах и богатстве достигло или приблизилось к рекордным максимумам»²⁴.

Проблема здесь не в социальной несправедливости как таковой, а в том, что значительная часть населения планеты, пребывающая на «нижнем полюсе» распределения глобального общественного продукта, получает свою часть в объемах, позволяющих оставаться лишь в рамках биологически допустимых норм, без возможности обеспечить минимальные социальные потребности. Согласно данным ООН, «пандемия увеличила неравенство – в мире стало на 131 миллион больше людей, живущих в бедности»²⁵. Эта часть населения практически лишена возможности изменить положение не только для себя, но и для своих детей, что предопределяет мультипликацию испытываемых трудностей на каждое новое поколение. Бедность препятствует успешному развитию личности, определяет ограниченность доступа к ресурсам развития: высокооплачиваемой работе, качественным услугам образования и здравоохранения, возможности успешной социализации детей и молодежи. Низкий уровень доходов значительной части семей в сочетании с чрезмерной поляризацией доходов обуславливает социальный разлом в обществе, вызывает социальную напряженность, формирует кризисные процессы во внутриаполитической сфере.

Второе. Глобальной тенденцией в условиях развития первой волны пандемии коронавируса стал отход от экономического прагматизма в сторону гуманизации решений, принимаемых государ-

²³ Щербачев Г.А. Системные экономические кризисы в долгосрочной динамике мирового хозяйственного развития. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 121.

²⁴ URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/01/2020/5e22d45c9a7947ad7e9a4500>

²⁵ В ООН подвели экономические итоги 2020 года / ТАСС. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/10634307>

ственными властями (включая российские). Это представляет собой принципиальный сдвиг в принятии управленческих решений, несущий в себе потенциал кардинального преобразования всей системы отношений «государство – общество – человек». Национальные власти в ведущих государствах мира, возможно, впервые отказались от экономического эгоизма в интересах спасения жизней конкретных людей, что выразилось в достаточно сложных, но ответственных решениях по полной остановке видов экономической деятельности, где требуется совместное пребывание больших групп людей.

В управленческом подходе большинства национальных властей человеческий фактор занял приоритетную позицию, «подвинув» исключительно прагматический, базирующийся на приоритете экономической эффективности, подход к развитию общественных отношений. Уже сейчас можно отметить, что впервые благополучие общества стало измеряться не динамикой макроэкономических показателей – ростом ВВП, экспорта, производственного выпуска и проч., – а безопасностью граждан. Впервые за обезличенными штампами – «человеческий капитал», «трудовые ресурсы», «антропогенный фактор» и проч. – появился конкретный человек с его естественным желанием жить и стремлением выступать не субъектом, а объектом проводимой государственной политики.

Россия здесь не является исключением. В позитивном контексте можно рассматривать противоэпидемические действия российских властей: 1) не допустивших разрастания пандемии COVID-19 до уровня США, считавшихся чуть ли не эталоном мировой системы медицинского обеспечения; 2) не допустивших уровня смертности от SARS-Cov-2, сравнимого с критическими показателями считавшихся благополучными в медицинском отношении стран ЕС, Англии, США. По абсолютному количеству летальных случаев Россия, как указывалось выше, находится на 7-м месте среди стран, охваченных пандемией, но по данному показателю, исчисляемому на 1 млн жителей, она в конце пятого десятка стран мира. Это не лучший показатель, особенно если учитывать, что за сухой статистикой кроются жизни и судьбы конкретных людей. Однако ситуация в России лучше, чем в знаменитых уровнем системы здравоохранения Бельгии (7-е место по жертвам COVID-19), Великобритании (11-е место) или США (14-е место)²⁶.

До сих пор не утихают дискуссии о том, какая тактика борьбы с пандемией являлась оптимальной. Жесткий карантин, который, возможно, спасает больше жизней, но бьет по экономике и доходам людей, или мягкий подход – с рекомендательными, а не запретительными мерами, который наносит меньше вреда экономике, но грозит большим числом пострадавших. И если весной шведская модель вызвала шквал критики, то сейчас общественное мнение отчасти реабилитировало авторов шведского «либерального» подхода к борьбе с инфекцией. В середине сентября Европейский центр профилактики и контроля болезней сообщал, что за предыдущие 2 недели средний уровень новых заражений на 100 тыс. жителей в Швеции, не вводившей строгий карантин весной, составил 22,2. Это заметно ниже, чем во многих других европейских странах, которые вводили жесткие ограничительные меры, но в начале второй волны начали фиксировать рост новых заражений: в Испании 279 на 100 тыс., во Франции – 158,5, в Чехии – 118, в Бельгии – 77, в Великобритании – 59. Всего же, по подсчетам The Guardian, в 22-х из 31 европейской страны уровень новых заражений в начале второй волны пандемии был выше, чем в Швеции²⁷. Тем не менее, в настоящее время Швеция по числу заболевших на 1 млн жителей находится на 16-м месте, оставив позади все наиболее пострадавшие в период первой волны страны (Италия, Испания, Франция, Англия), за исключением США, занимающих 8-е место. Вместе с тем Беларусь, не вводившая противокоронавирусных ограничений, находится по данному показателю на 71-м месте, совсем рядом с Россией (76-е место)²⁸.

Третье. В экономико-политическом дискурсе вновь возникла такая мера антикризисной политики как «вертолетные деньги». Эта тема, долгое время (с введения в 1969 г. данного понятия М. Фридменом) считавшаяся некоторой «экзотикой», сегодня совершенно серьезно обсуждается на самых высоких уровнях государственного управления, и, более того, реализуется в ряде стран. Так, в США в марте 2020 г. в качестве меры стимулирования экономики и социальной поддержки населения в условиях пандемии COVID-19 было объявлено о прямых выплатах в размере 1,2 тыс. долл. взрослым гражданам (с годовым доходом до 75 тыс. долл.) и 0,5 тыс. долл. на каждого ребенка.

Несколько ранее, в рамках социальной политики в условиях кризиса существующей модели рас-

²⁶ Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

²⁷ Апокалипсиса не случилось. Пандемия меняет финансовое поведение россиян // Коммерсантъ Деньги. 2020. № 23. С. 21. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4502917>.

²⁸ Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus>

пределения общественного продукта, начала обсуждаться возможность введения безусловного базового дохода – меры, идущей вразрез с основополагающим принципом действующей системы капиталистического распределения по принципу владения основными факторами производства.

Четвертое. Российский опыт разработки вакцины от вируса COVID-19 продемонстрировал высокий уровень отечественной инженерной мысли. Ее создание показало, что при правильном целеполагании, необходимом ресурсном обеспечении, установлении приоритета государственных задач над частно-корпоративными интересами российская наука способна успешно решать проблемы глобального уровня и находиться в указанном процессе на передовых позициях. По этой причине говорить об исчерпании потенциала научно-технического творчества и полной деградации системы отечественного высшего образования, как минимум, преждевременно. Представляется, что подобную систему приоритетов необходимо не только сохранить, но и возвести ее в ранг основных принципов формирования государственной экономической политики.

Вместе с тем, на фоне очевидных успехов достаточно явно выступили проблемы администрирования процессов в социальной сфере (в частности, доведения мер социальной поддержки до конечного получателя, свидетельством чему служит ситуация с выплатами медицинским работникам, работающим с больными SARS-Cov-2). Данное обстоятельство не позволяет считать положение дел в рассматриваемой области однозначно удовлетворительным, а дает лишь основание с оптимизмом оценивать складывающиеся тенденции.

Выводы

Мир уже живет в новой реальности, сформированной процессами, протекающими в последние десятилетия. Вне зависимости и задолго до пандемии COVID-19 мировое сообщество пережило крах глобальной системы, базирующейся на балансе сил и потенциалов СССР и США. Сейчас оно наблюдает завершающий акт крушения однополярного мира, прямо или косвенно «пристегнувшего» к политике продвижения своих интересов все основные международные организации. В погоне за ростом эффективности бизнеса Запад пропустил возрождение Китая, способного в будущем периоде составить жесткую конкуренцию США по всему миру, и не только в экономике. Мир наблюдает за идеологическим кризисом бреттон-вудских институтов, которые все более удаляются от уставных задач, прописанных при их учреждении, и сегодня своими «рекомендациями в обмен на помощь» исправно вгоняют суверенные государства в еще

большую зависимость от так называемого «вашигтонского консенсуса». Организация Объединенных Наций уже давно утратила роль универсальной переговорной площадки, помогающей великим странам решать мировые проблемы. Эта задача сейчас переместилась в многочисленные «форматы», проводимые в различных столицах, которые, впрочем, также не могут выступить примером эффективного решения какой либо из значимых мировых или региональных проблем.

Имеются вопросы к Всемирной организации здравоохранения, которая увлеклась спасением беднейших стран и пропустила глобальную эпидемию, охватившую большую часть мира. При этом под сомнение не ставится необходимость реализации программ ВОЗ в развивающихся государствах, речь идет лишь об эффективности организации, не предусмотревшей опасность возникновения масштабной эпидемии даже в странах-спонсорах своей деятельности. Подобные примеры можно приводить и далее.

Пандемия COVID-19 стала лишь явлением, обнажившим накопившиеся проблемы. В экономической сфере COVID-19 трансформировалась в коронавирусную рецессию, в социальной сфере проявила проблемы бедности, социальной справедливости, долгое время «задвигаемые» на второй план под предлогом приоритета рыночных механизмов в распределении общественного продукта. Пандемия продемонстрировала, что основу выхода из кризиса обеспечивает примат суверенных интересов и разумной доли национального эгоизма и что объектом антикризисных мероприятий является не «сплочение усилий по совместному противостоянию кризису», а спасение национального хозяйства с целью обеспечения социального благополучия населения. Антикризисная практика поставила под сомнение перспективы глобалистской модели развития общества, по крайней мере, в том виде, в каком она представлялась в доковидный период.

Выступая катализатором процессов, в более или менее явной форме известных и ранее, пандемия коронавируса обострила и интенсифицировала их реализацию. Глубина и острота трансформаций, происходящих в социально-экономической сфере, дает основания заявлять о долгосрочном характере последствий пандемии COVID-19 в общественном развитии.

Список литературы

1. McKibbin W.J., Fernando R. The global macroeconomic impacts of COVID-19: Seven scenarios // CAMA working paper. 2020. № 19. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3547729> (дата обращения: 27.01.2021)

2. *Ashraf B.N.* Economic impact of government interventions during the COVID-19 pandemic: International evidence from financial markets // *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. 2020. Vol. 27. P. 100371. <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2020.100371> (дата обращения: 21.01.2021)
3. *Дробот Е.В.* Мировая экономика в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 года и перспективы восстановления // *Экономические отношения*. 2020. Том 10. № 4. С. 937–960. <https://doi.org/10.18334/eo.10.4.111375>
4. *Cuomo A.* American Crisis: Leadership Lessons from the COVID-19 Pandemic. NY.: Crown Publishing Group, 2020. 320 p.
5. *Galloway S.* Post Corona: From Crisis to Opportunity. NY.: Portfolio, 2020. 256 p.
6. *Gans J.* Economics in the Age of COVID-19. Cambridge, MA: The MIT Press. 2020. 131 p.
7. *Ryan A. Bourne.* Economics in One Virus: An Introduction to Economic Reasoning through COVID-19. Wash.: Cato Institute, 2021. 304 p.
8. *Caro D.* Transforming Nations after the COVID-19 Pandemic / Management, Change, Strategy and Positive Leadership. Cham: Springer International Publishing. 2021. 244 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-61810-0>
9. *Schwab K., Malleret T.* COVID-19: The Great Reset / Forum Publishing. 282 p. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf> (дата обращения: 15.02.2021)
10. *Georgieva K.* Beyond the Crisis // *Finance & Development / IMF*. June 2020. № 2. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/turning-crisis-into-opportunity-kristalina-georgieva.htm> (дата обращения: 01.07.2020)
11. *Аникин А.В.* История финансовых потрясений. Российский кризис в свете мирового опыта. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2009. 448 с.
12. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры // *Вопросы конъюнктуры*. Т. 1. Вып. 1. М.: Фин. изд-во НКФ СССР. 1925. С. 28–79. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009058340>
13. *Кондратьев Н.Д.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда: Обл. отделение гос. изд-ва, 1922. 258 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009113320>
14. *Forrester J.W.* The Kondratieff Cycle and Changing Economic Conditions. Cambridge, MA: MIT (MIT System Dynamics Group working paper), 1981. 377 p.
15. *Van Duijn J.J.* The Long Wave in Economic Life. London: Allen & Unwin, 1983. 239 p.
16. *Perez C.* Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of bubbles and Golden Ages. Cheltenham: Elgar, 2002. 481 p.
17. *Jorda T., Singh S., Taylor A.* Longer-Run Economic Consequences of Pandemics // *Federal Reserve Bank of San Francisco, Working Paper Series*. 2020. № 3. С. 1–16. <https://doi.org/10.3386/w26934>. URL: <https://www.nber.org/papers/w26934> (дата обращения: 29.08.2020)
18. *Schmelzing P.* Eight Centuries of Global Real Interest Rates, R-G, and the «Suprasecular» Decline, 1311–2018 // *SSRN Electronic Journal*. 2019. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3485734>. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/working-paper/2020/eight-centuries-of-global-real-interest-rates-r-g-and-the-suprasecular-decline-1311-2018> (дата обращения: 29.08.2020)
19. *Jorda T., Schularick M., Taylor A.* When Credit Bites Back // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2013. Vol. 45. Iss. s2.. P 3–28. <https://doi.org/10.1111/jmcb.12069>. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w17621/w17621.pdf (дата обращения: 29.08.2020)
20. *Kissinger H.* The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order // *The WallStreet Journal*. 2020. 3 April. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (дата обращения: 11.10.2020)
21. *Овсиенко Ю.В.* Институты, институциональные изменения и их влияние на социально-экономическую динамику. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. 142 с.
22. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.

Поступила в редакцию: 27.01.2021; одобрена: 25.02.2021; опубликована онлайн: 31.03.2021

Об авторе:

Щербаков Геннадий Анатольевич, профессор кафедры «Системный анализ в экономике», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, ГСП-3, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49), Москва, Российская Федерация, доктор экономических наук, **ORCID: 0000-0002-3298-1638**, g.shcherbakov@mail.ru

Автор прочитал одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. McKibbin W.J., Fernando R. The global macroeconomic impacts of COVID-19: Seven scenarios. *CAMA working paper*. 2020; 19. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3547729> (in Eng.)
2. Ashraf B.N. Economic impact of government interventions during the COVID-19 pandemic: International evidence from financial markets. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. 2020; (27): 100371. <https://doi.org/10.1016/j.ibef.2020.100371> (in Eng.)
3. Drobot E.V. Global economy in the context of the COVID-19 pandemic: results of 2020 and prospects for recovery. *Ekonomicheskie otnoshenija = Economic relations*. 2020; 10(4): 937–960. doi: 10.18334/eo.10.4.111375 (in Russ.)
4. Cuomo A. American Crisis: Leadership Lessons from the COVID-19 Pandemic. NY.: Crown Publishing Group, 2020. 320 p. (In Eng.)
5. Galloway S. Post Corona: From Crisis to Opportunity. NY.: Portfolio, 2020. 256 p. (In Eng.)
6. Gans J. Economics in the Age of COVID-19. Cambridge, MA: The MIT Press. 2020. 131 p. (In Eng.)
7. Ryan A. Bourne. Economics in One Virus: An Introduction to Economic Reasoning through COVID-19. Wash.: Cato Institute, 2021. 304 p. (In Eng.)
8. Caro D. Transforming Nations after the COVID-19 Pandemic / Management, Change, Strategy and Positive Leadership. Cham: Springer International Publishing. 2021. 244 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-61810-0> (In Eng.)
9. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset / Forum Publishing. 282 p. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf> (in Eng.)
10. Georgieva K. Beyond the Crisis // Finance & Development / IMF. June 2020; 2. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/turning-crisis-into-opportunity-kristalina-georgieva.htm> (in Eng.)
11. Anikin A.V. History of Financial shocks. The Russian crisis in the light of the world experience. Moscow: Olimp-Business, 2009. 448 p. (in Russ.)
12. Kondratyev N.D. Large Cycles of Market Conditions. *Voprosy konyunktury = Issues of Conjunction*. 1925; 1(1):28–79 (In Russ.)
13. Kondratyev N.D. World Economy and its Conjunctions during and after the War. Vologda: Regional department of state publishing house, 1922. 258 p. (In Russ.)
14. Forrester J.W. The Kondratieff Cycle and Changing Economic Conditions. Cambridge, MA: MIT (MIT System Dynamics Group working paper), 1981. 377 p. (In Eng.)
15. Van Duijn J. The Long Wave in Economic Life. London: Allen & Unwin, 1983. 239 p. (In Eng.)
16. Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of bubbles and Golden Ages. Cheltenham: Elgar, 2002. 481 p. (In Eng.)
17. Jorda T., Singh S., Taylor A. Longer-Run Economic Consequences of Pandemics. *Federal Reserve Bank of San Francisco, Working Paper Series*. 2020; (3):1–16. doi: 10.3386/w26934. URL: <https://www.nber.org/papers/w26934> (in Eng.)
18. Schmelzing P. 2020. Eight Centuries of Global Real Interest Rates, R-G, and the «Suprasecular» Decline, 1311–2018. *SSRN Electronic Journal*. doi: 10.2139/ssrn.3485734. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/working-paper/2020/eight-centuries-of-global-real-interest-rates-r-g-and-the-suprasecular-decline-1311-2018> (in Eng.)
19. Jorda T., Schularick M., Taylor A. When Credit Bites Back. *Journal of Money, Credit and Banking*. 2013; 45(s2):3–28. doi: 10.1111/jmcb.12069. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w17621/w17621.pdf (in Eng.)
20. Kissinger H. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order. *The WallStreet Journal*. 2020. 3 April. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (in Eng.)
21. Ovsienko Y.V. Institutes, institutional changes and their impact on socio-economic dynamics. Moscow: CEMI RAS, 2012. 142 p. (in Russ.)
22. North D. Institutes, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Nachala, 1997. 180 p. (in Russ.)

Submitted 27.01.2021; revised 25.02.2021; published online 31.03.2021

About the author:

Gennady A. Shcherbakov, Professor of the Department «System Analysis in Economics», Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky avenue, Moscow, 125993), Moscow, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, **ORCID: 0000-0002-3298-1638**, g.shcherbakov@mail.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.